

В. А. Абинякин

Две индийские металлические скульптуры XI–XII веков из собрания Государственного Эрмитажа: вопросы атрибуции, иконографии и провенанса

В статье предпринято первое научное исследование двух индийских металлических скульптур из собрания Государственного Эрмитажа с изображением богини Дурги и джайнского тиртханкара Паршванатхи, случайно найденных в конце XIX в. на территории Самарской губернии. На основе архивных документов и опубликованных отчетов Императорской Археологической комиссии рассматриваются обстоятельства их обнаружения и поступления в музей. Впервые проводится научная атрибуция скульптур, затрагиваются вопросы их иконографии и датировки. Памятники сопоставляются с другими находками индийской религиозной скульптуры на территории России и Средней Азии. Делается вывод о возможной циркуляции индийских культовых образов по торговым путям Евразии в XI–XII вв.

Ключевые слова: индийская скульптура; иконография индийской скульптуры; Дурга; тиртханкара; Паршванатха; атрибуция произведений искусства; скульптура из металла; Государственный Эрмитаж; художественные связи Евразии

Абинякин Владимир Александрович

Государственный Эрмитаж.

Младший научный сотрудник отдела Востока.

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Ассистент кафедры зарубежного искусства.

190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34.

E-mail: abinyakin@gmail.com

ORCID: 0009-0005-7649-9068; SPIN-код: 2043-5042; AuthorID: 1336136

Vladimir Abinyakin

Two Indian Metal Sculptures of the 11th–12th Centuries from the Collection of the State Hermitage Museum: Issues of Attribution, Iconography and Provenance

The article presents the first scholarly study of two Indian metal sculptures from the collection of the State Hermitage Museum depicting the goddess Durga and the Jain Tirthankara Parshvanatha, accidentally unearthed in the late nineteenth century in the territory of Samara Province. Based on archival documents and published reports of the Imperial Archaeological Commission and early publications, the circumstances of their discovery and acquisition by the museum are examined. A scholarly attribution of the sculptures is undertaken for the first time, addressing issues of iconography and dating.

The objects are compared with other finds of Indian religious sculpture from the territory of Russia and Central Asia. The article concludes by suggesting the possible circulation of Indian cult images along Eurasian trade routes in the 11th–12th centuries.

Keywords: Indian sculpture; iconography of Indian sculpture; Durga; Parshvanatha; attribution of works of art; metal sculpture; State Hermitage Museum; artistic connections of Eurasia

Abinyakin, Vladimir

The State Hermitage Museum.

Junior Researcher of the Oriental Department.

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.

Assistant Lecturer of the Department of Foreign Art.

Russia, 190000, St Petersburg, Dvortsovaya nab., 34.

E-mail: abinyakin@gmail.com

ORCID: 0009-0005-7649-9068; SPIN-код: 2043-5042; AuthorID: 1336136

Две скульптуры, изображающие индуистскую богиню Дургу (*ил. 1*) и джайнского тиртханкара¹ Паршванатху (*ил. 2*), не только являются одними из самых ранних образцов индийской скульптуры из металла в собрании отдела Востока Государственного Эрмитажа (что само по себе уже интересно), но и представляют научный интерес в связи с обстоятельствами их обнаружения и последующего поступления в музей. Памятников индийского искусства на территории России сравнительно немного, особенно в сопоставлении с артефактами из Китая или Ирана. Это объясняется значительной удаленностью Индии и отсутствием устойчивых дипломатических контактов вплоть до середины XX в. [10, с. 17; 6, с. 66]. В целом известно, какими путями подобные предметы попадали в отечественные собрания. Однако в рассматриваемом случае оба памятника поступили в Эрмитаж в обход всех ранее известных источников пополнения индийского фонда.

В отдел Востока скульптуры были переданы из отделения Средних веков. Как известно, предметы из восточных коллекций в Императорском Эрмитаже были разбросаны по разным отделам, и только в 1920 г. было создано особое отделение мусульманского Средневековья, с которого и начинается история современного отдела Востока [14, с. 215]. В старых инвентарных книгах расформированного отделения Средних веков удалось найти записи об интересующих нас предметах: «7313 – Самарской губ., Николаевского у. близ села Березовой (сверху Острой) Луки, найденный

в 1894 г. медный бурхан»; «7351 – бронзовая статуэтка индийского божества с санскритской надписью, найденная близ дер. Нижней Кармалки, Верхне-Кармалкинской вол., Бугульминского у. Самарской губернии в 1896 г.»

Кроме того, в обоих случаях присутствовала помета о поступлении предметов из Императорской Археологической комиссии с указанием конкретного дела о находке. Возникает вопрос: могли ли памятники индийской скульптуры действительно иметь археологическое происхождение? И каковы могли быть обстоятельства их обнаружения?

В Архиве Государственного Эрмитажа удалось обнаружить документы, подтверждающие поступление этих предметов из Императорской Археологической комиссии: «В Императорский Эрмитаж. Препровождая при сем для коллекции Императорского Эрмитажа медный бурхан, найденный в 1894 году близ с. Березовой Луки, Николаевского уезда, Самарской губернии, Императорская Археологическая комиссия имеет честь покорнейше просить о получении бурхана не оставить уведомлением» [1] (ил. 3). И другой документ: «В Императорский Эрмитаж. Препровождая при сем для коллекции Императорского Эрмитажа бронзовую статуэтку (бурхан) с санскритской надписью, найденную близ села Верхней Кармалки, Бугульминского у., Самарской губернии, Императорская Археологическая комиссия покорнейше просит о получении статуэтки не оставить уведомлением» [2].

Информация о первом предмете – скульптуре Дурги – в инвентарной книге и в документе о передаче в музей совпадает, касательно второго предмета – изображения Паршванатхи – между инвентарной книгой и документом есть расхождение в названии села, недалеко от которого была найдена скульптура (Верхняя Кармалка – Нижняя Кармалка). На обоих документах есть помета чернилами о передаче этих предметов в отделение Средних веков. Дальнейшие следы истории этих скульптур надлежит, несомненно, искать в материалах Императорской Археологической комиссии.

В отчете Комиссии за 1894 г. есть упоминание о скульптуре Дурги вместе с ее изображением: «...медная джайновская статуэт-

ка, найденная близ с. Острая Лука, Николаевского у., на р. Иргине (возможно, ошибка в топониме: в Николаевском уезде не было реки с названием Иргина. – В. А.). Совершенно такая же статуэтка найдена была в 1850-х гг. близ г. Троицка в золотоносных россыпях, на глубине 20 арш. (хранится в музее Уральского общ. любит. естествозн.), и подобная же, с датой 1169 г. и индийской надписью, найдена была в Воронежской губ.» [1, с. 40] (ил. 4).

В документах, связанных с передачей скульптур в Эрмитаж, обнаруживается некоторая путаница в топонимах. По-видимому, она вызвана тем, что в Николаевском уезде Самарской губернии поблизости друг от друга находились две деревни со сходными названиями – Острая Лука и Березовая Лука. Обе они располагались на берегах реки Чагры, а не Иргины, которая протекает в Приуралье, на территории современного Пермского края. Однако близость этих населенных пунктов позволяет предположить, что подобная неточность существенно не меняет общего контекста находки. Более важным представляется другое обстоятельство: в отчетах Императорской Археологической комиссии упоминаются и другие случаи обнаружения скульптур Дурги на территории Российской империи. Кроме того, в сводном перечне в конце отчета прямо указано, что остролюкская скульптура Дурги была передана в Императорский Эрмитаж [3, с. 166–167].

Таким образом, обе эрмитажные скульптуры представляют собой случайные находки во время полевых работ в Самарской губернии. Это редкий и интересный случай, но не уникальный, как мы узнали из отчетов Императорской Археологической комиссии.

Одной из самых известных находок индийской скульптуры на территории Российской империи стала скульптура богини Дурги, найденная около 1850 г. на золотоносном прииске недалеко от г. Троицка Оренбургской губернии и упомянутая в отчете Археологической комиссии. Не так давно была опубликована статья В. В. Деменовой [9], в которой автор собирает известные сведения об этом предмете, предлагает возможную атрибуцию и размышляет о возможных путях ее импорта. К сожалению, сама найденная на Урале скульптура была

утрачена после отправки на выставку, устроенную во время съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г., но мы не теряем надежды вновь обнаружить ее для дальнейшего изучения. Пока же в нашем распоряжении имеется лишь фотография, сделанная спустя несколько десятилетий после ее находки. Вопросы, связанные с атрибуцией, происхождением и бытованием индийской религиозной скульптуры так далеко на севере оказываются особенно актуальными в свете наших исследований. Впервые изображение скульптуры, найденной вблизи Троицка, было опубликовано в «Записках Уральского общества любителей естествознания» с комментарием председателя Общества О. Е. Клера. Благодаря этой заметке и фотографии мы можем сравнить скульптуры (уральскую и эрмитажную) и обнаружить многие сходства: тот же иконографический тип со многими общими элементами, некоторая общность пластического языка и даже инкрустация на лбу у богини (увы, утраченная у эрмитажной скульптуры). Однако есть и расхождения, например в декоративных мотивах мандорлы. Тем не менее обнаружение столь похожих индийских скульптур на территории Российской империи представляет для нас особый интерес.

Атрибуция этих памятников весьма трудна, так как в индийской религиозной скульптуре всегда существовала традиция изготовления копий и подражаний произведениям более раннего времени, а анализ состава сплава вряд ли может хоть как-то облегчить эту работу, поскольку практически никаких значимых для атрибуции закономерностей в этой области не наблюдается [8, с. 24–25]. Археологический контекст статуэток позволяет рассматривать их как средневековые оригиналы, а не поздние повторения. В. В. Деменова предположила, что уральская скульптура Дурги могла происходить с территории Западных Гималаев, то есть современного штата Химачал-Прадеш [9, с. 265–266]. Действительно, форма мандорлы в виде арки с навершием в форме калаши – что на символическом уровне представляет собой храмовое пространство [7] – является характерным элементом скульптуры этого региона. Но вот характер пластики с более приземистыми пропорциями фигур и некоторой угловатостью

моделировки формы, а также особенности художественной трактовки отдельных иконографических элементов не позволяют нам в полной мере быть уверенными в том, что скульптуры были созданы в Западных Гималаях.

Оставив в стороне разговор об уральской находке, сосредоточимся на эрмитажной скульптуре, поскольку именно она доступна нам для всестороннего исследования. Эта небольшая (высотой 12 см) скульптура из металла, отлитая целиком вместе с невысоким постаментом, представляет собой образ богини Дурги, одного из гневных воплощений богини-матери Деви в индуизме, показанный в иконографическом типе Дурга Махисасурамардини (Дурга, убивающая асура Махишу). Грозное четверорукое божество стоит в воинственной позе алидхасана (поза лучника), попирая правой ногой поверженного демона-асура Махишу, принявшего форму могучего буйвола, которого сзади терзает лев – вахана (ездовое животное) богини Дурги. Правой основной рукой богиня заносит над головой меч, в то время как одной левой извлекает из раны на шее буйвола антропоморфную сущность асура Махиши. Правой дополнительной рукой Дурга вонзает трезубец в тело буйвола, в левой держит колокольчик. Мандорла, как уже отмечалось, выполнена в форме арки, украшенной побегами растений и завершающейся калашей. Вся композиция представляет собой маленький алтарь богини Дурги.

Образ Дурги формируется в рамках ранней шактийской традиции и достигает классического выражения в тексте Деви-махатмья (VI в.), где богиня впервые предстает как автономная верховная сила, превосходящая богов-мужчин [15, р. 154–171]. В этом тексте Дурга рождается из объединенной энергии (шакти) богов, которые не способны самостоятельно победить демона Махишу. Сюжет об уничтожении буйвола-демона становится основой ее культа и определяет дальнейшую иконографию. Хотя в мифологическом отношении Дурга предстает как единая космическая богиня, исторически ее образ формировался путем ассимиляции множества локальных сельских и племенных богинь, связанных с плодородием, защитой общины и борьбой с хаотическими силами природы. К VIII в.

культ Дурги получает широкое распространение по всей Индии: ее скульптурные изображения известны от Кашмира и Афганистана до Ориссы и Тамилнада. Само имя богини переводится как ‘недоступная’, ‘неприступная’, подчеркивает ее изначальную природу как богини-защитницы, стоящей между миром людей и силами разрушения. Для религиозного сознания индийцев Дурга объединяет два начала: она одновременно грозная воительница и благодатная мать. Ее ярость направлена исключительно против сил зла; в отношении своих почитателей она проявляется как щедрая защитница, охраняющая дом, общину и пространство жизни. Это внутреннее единство ужасающего и благодатного отражает индийское мировосприятие, в котором божественное и мирское не разделены строго, а все аспекты существования принимаются в их целостности. Культ Дурги особенно важен в Бенгалии, где праздник Дурга-пуджи стал не только религиозным, но и социально-культурным явлением. Глубокий эмоциональный отклик вызывают представления о Дурге как дочери, ежегодно возвращающейся в родительский дом, что придает ее образу человечность.

Примечательно, что иконографические элементы, присущие типу Махисасурамардини, могут по-разному интерпретироваться скульпторами в зависимости от региона. Так, в Южной Индии нередко встречается изображение Махиши в виде человека с головой буйвола. В Северной и Центральной Индии можно увидеть варианты, в которых Дурга пронзает антропоморфного демона, являющегося на месте отрубленной головы буйвола. Есть образы, в которых Махиша предстает только лишь в человекоподобном облике. В нашем случае фигура буйвола, слегка выдвинутая на передний план, занимает почти всю нижнюю часть композиции; через небольшой надрез на теле быка Дурга достает из него демона в человеческом обличье. Подобный вариант нередко встречается в скульптуре Западной Индии [18, с. 208]. Один из самых впечатляющих примеров, который в этой связи ассоциативно приходит на ум, – это скульптура богини Дурги в Рани-ки-Вав, монументальном ступенчатом колодце XI в. в Патане (Гуджарат), построенном царицей Удайматой в память о ее супруге, царе

Бхиме I династии Чаулукия (Соланки). Памятник представляет собой классический образец мару-гуджаратского стиля архитектуры и включает семь уровней спуска, множество павильонов и удлиненный коридор, ведущий к шахте колодца. Он был почти полностью занесен илом в XIII–XIV вв. из-за масштабных наводнений реки Сарасвати, что, однако, сохранило его от разрушений и вандализма. Раскопки и реставрационные работы Археологической службы Индии начались во второй половине XX в. и выявили огромный комплекс скульптур – более 500 изображений божеств, включая Вишну во множестве форм, Шиву и Парвати, Куберу, Ганешу и разнообразные проявления Деви, среди которых Махисасурамардини и другие формы Дурги [19]. И хотя богиня изображена здесь с большим количеством рук, а художественный язык скульптуры отличается большей степенью декоративности и дробности, основные элементы значительно совпадают с эрмитажной скульптурой, даже формы нагрудных украшений и некоторых других элементов костюма схожи. Созвучные интонации можно заметить и в самом характере пластики. Таким образом, хотя окончательно определить место происхождения памятника пока не представляется возможным, есть все основания предполагать западноиндийское происхождение эрмитажной скульптуры. Временем ее создания, по-видимому действительно следует считать XI–XII вв.

О судьбе еще одной скульптуры богини Дурги – найденной в Воронежской губернии – пока ничего не известно.

В связи с исследованием скульптуры тиртханкара Паршванатхи следует вспомнить о другой необычной археологической находке джайнской скульптуры, поскольку она имеет отношение к теме нашего исследования. Бронзовая композиция с изображением тиртханкара, найденная около 2010 г. в русле канала Занг близ райцентра Джаркурган (Сурхандарьинская область Узбекистана), представляет собой объект, не имеющий известных аналогов в археологическом материале Северной Бактрии – Тохаристана [5]. Статуэтка была обнаружена местным жителем, учеником старших классов школы, во время сезонного осушения канала,

когда его дно становится доступным для осмотра и нередко случаются археологические находки, преимущественно керамики и редких монет эллинистического времени. Канал проходит в непосредственной близости от городища Хаитабад, культурные слои которого относятся к поздней бронзе, раннему железу и ранне-средневековому времени. Бронзовая композиция, очевидно, не принадлежит местной традиции и должна рассматриваться как привнесенный объект.

Памятник представляет собой многофигурную композицию из металла, в центре которой изображен тиртханкар, сидящий в позе падмасана на троне, поддерживаемом фигурами львов. С обеих сторон располагаются персонажи, трактуемые как якши или служители, один из которых держит опахало. Важные иконографические признаки, такие как отсутствие выраженной ушниши, удлиненные мочки ушей и след на груди от инкрустированной шриватсы², однозначно указывают на джайнское происхождение изображения. Наличие обозначенной набедренной одежды позволяет отнести его к традиции шветамбаров³.

Надпись на оборотной стороне трона, выполненная письмом ранней нагари, была прочитана Р. Соломоном и позволяет датировать памятник приблизительно XII в. Текст фиксирует имя донатора и, вероятно, краткую формулу «установления реликвий», что соответствует распространенным эпиграфическим практикам Северной Индии. Стилистический анализ указывает на композиционное сходство скульптуры, найденной в Узбекистане, с западно-индийскими бронзами, прежде всего из Гуджарата, где джайнское искусство шветамбаров было особенно развито.

Обстоятельства появления подобного памятника в Сурхандарье остаются дискуссионными. Автор предполагает несколько возможных путей: торговую деятельность индийских купцов в городских центрах Средней Азии вплоть до позднего Средневековья, о чем имеются документированные свидетельства; перемещение в составе военных трофеев; занос предмета в русло канала при размыве археологических объектов, ранее существовавших вдоль его берегов. В любом случае находка существенно расширяет на-

ши представления о культурных связях региона со средневековой Индией и является первым предметом джайнского религиозного искусства, обнаруженным в этой части Средней Азии.

Любопытно, что и эрмитажная скульптура Паршванатхи, исходя из контекста ее находки и посвяtitельной надписи, может быть также датирована временем ок. XII в. В центре ее композиции на львином троне восседает 23-й тиртханкар по имени Паршванатха. Его нетрудно идентифицировать, поскольку один из царей змеев-нагов, Дхаранендра, во время длительной медитации развернул над ним защитный капюшон, защищая джину (то есть «победителя» — один из эпитетов тиртханкаров) от дождя. Паршванатха изображен обнаженным, сидящим в падмасане, руки сложены в дхьяна-мудру. Его уши с удлинненными мочками, на голове ушниша, на груди шриватса. По сторонам от Паршванатхи в позе кайотсарга (отречения от тела) стоят еще два обнаженных тиртханкара, а над ними еще по одному сидящему тиртханкару. Вместе они образуют упорядоченную композицию из пяти тиртханкаров, которую называют панча-тиртха [15, р. 28]. Поскольку все они изображены обнаженными, это произведение следует отнести к искусству дигамбарской ветви джайнизма. В нижнем регистре по сторонам от трона изображены две якшини с мухогонками, а перед ним — маленькая фигурка предстоящего — так называемого дхармакары (совершающего поклонение), которая может быть изображением донатора или же шраваки и символизировать преданного перед тиртханкаром, не передавая при этом черты какого-то конкретного человека. Мандорла выполнена в виде арки, украшенной побегами растений и увенчанной изображением калаши.

В формах этой скульптуры также усматриваются стилистические черты искусства Гуджарата, региона в котором исторически всегда было много джайнов. Именно здесь выстраивались грандиозные храмовые комплексы, создавались многочисленные художественные мастерские, в которых изготавливали самые разнообразные произведения джайнского искусства. Довольно близкой по стилю можно считать скульптуру Паршванатахи из коллекции Субхаша Капура [17, р. 145–146], где сам образ Паршванатхи

выполнен из хрусталя и позднее, чем всё его окружение из металла, относящееся к X–XI вв., что примерно соответствует времени создания эрмитажной скульптуры, определенному на основе эпиграфических и археологических данных.

Похоже, что редкие находки памятников индийской религиозной скульптуры на территории России и Узбекистана позволяют нам утверждать, что такие предметы, по-видимому, имели хождение на основных торговых путях Евразии. Разумеется, уже не один раз в научной литературе так или иначе затрагивались вопросы межкультурных коммуникаций, в особенности в связи с сенсационными находками на территории России. Речь идет, конечно же, в первую очередь о находках сасанидского серебра, которые сегодня являются гордостью и «визитной карточкой» восточных собраний Эрмитажа, ведь это самая большая коллекция сасанидского серебра в мире! Знаменитый советский востоковед В. Г. Луконин, внесший огромный вклад в изучение этой коллекции, в книге «Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа» пытался осмыслить, почему же эти памятники оказывались так далеко на севере. В музей сасанидское серебро поступало, как правило, в результате случайных находок, что отражает долгую историю его обращения в средневековых обществах Евразии. В предисловии к изданию подчеркивается, что подобные предметы «находили случайно – при вспашке поля или при пастьбе скота, преимущественно на севере нашей страны» [13, с. 7]. Действительно, большинство зафиксированных находок связано либо с пахотой и земляными работами, либо с извлечением кладов, скрытых в более позднее время. Так, знаменитый клад у села Слудка (Пермская губерния), включавший ряд сасанидских сосудов, был обнаружен в 1780 г. детьми в песчаном береговом слое Камы [13, с. 99]. Клад из окрестностей деревни Аниковской в Пермской области был найден в 1936 г. бригадиром колхоза во время вспашки; исследование показало, что серебро было зарыто в слое средневекового поселения родановской культуры [13, с. 126]. Аналогичным образом в 1913 г. блюдо с орхонской надписью было обнаружено крестьянкой на землях деревни Пешнигорт, без археологического контекста [13, с. 126].

Наряду с такими бытовыми находками известны случаи включения сасанидских предметов в локальные ритуальные комплексы. На жертвенном месте в Хойбауч-Падарской тундре (VIII–X вв.) был найден центральный медальон сасанидского сосуда и позднесасанидские монеты, что свидетельствует о длительном бытовании и вторичном использовании этих изделий в северных культурах [13, с. 42]. Еще одна находка – серебряный кубок из Урсдонского ущелья на Северном Кавказе (1938) – также была сделана вне систематических раскопок, что подчеркивает общий характер поступления подобных предметов в музейные собрания [12, с. 126].

Большинство сосудов попало на север Евразии не напрямую из Ирана, а через многоступенчатое обращение, включавшее торговые обмены, перемещения через степные регионы и использование изделия в качестве престижных вещей в локальной среде, прежде чем они были спрятаны или утрачены.

В каталоге выставки «Сокровища Приобья» [12] известный археолог Б. И. Маршак объяснял, что иностранные предметы попадали в Приобье потому, что этот северный регион был важной частью пути, по которому шла торговля мехами, очень ценившимися на юге. Купцы из Средней Азии, Ирана, Хазарии, Волжской Болгарии, а также скандинавы приходили сюда за пушниной и привозили взамен серебряные сосуды, украшения, оружие. Помимо торговли, вещи попадали как военные трофеи, дань и предметы межплеменного обмена. Поэтому Приобье стало местом накопления редких произведений искусства из разных стран.

Исследованный материал убедительно демонстрирует, что различные предметы, относящиеся к культуре и быту народов Азии, в том числе и произведения индийского искусства, могли становиться археологическими артефактами далеко на севере – на территориях Поволжья и Приобья. В совокупности эти находки позволяют говорить уже не о частном случае, а о более широком явлении: индийская религиозная скульптура наряду с другими произведениями восточного искусства могла включаться в глобальный процесс перемещения предметов. По всей вероятности, индийская

религиозная скульптура действительно циркулировала по торговым путям Евразии. Шелковый путь, кроме торгового, был еще и главной паломнической артерией. Возможно, джайнские скульптуры могли приниматься за буддийские образы и перемещаться вместе с паломниками. Российский археолог К. А. Руденко высказал предположение о связи появления индийской скульптуры в районе Поволжья с началом эпохи монгольских завоеваний и миграцией народов на запад [11, с. 28]. Однако подобные гипотезы пока остаются предварительными. На данный момент, конечно, трудно установить точные причины вовлечения в систему межрегиональных культурных обменов типологически довольно определенного круга памятников, которых всё еще очень мало, чтобы делать какие-либо обобщения. Однако, без сомнения это явление представляет огромный интерес для исследования межкультурных связей и движения произведений индийского искусства в Евразии на рубеже I и II тыс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тиртханкар – санскр. ‘тот, кто создает переправу, брод’. В джайнизме – познавший истину провозвестник учения. В священной истории джайнизма их всего двадцать четыре, последним из них был Вардхамана Махавира, современник Будды. Только он и его предшественник Паршванатха считаются реально существовавшими историческими личностями.

² Шриватса – это небольшой ромбовидный или крестообразный символ духовного совершенства в джайнской иконографии, обычно помещаемый на груди тиртханкара.

³ В джайнской традиции существуют два основных направления – шветамбары (‘одетые в белое’) и дигамбары (‘одетые в стороны света’). Главное различие между ними связано с пониманием монашеского аскетизма: монахи-шветамбары носят белые одеяния, тогда как дигамбарские монахи отказываются от одежды в знак полного отречения от мирской жизни. Различия касаются также состава канонических текстов, иконографии и вопроса о возможности достижения освобождения женщинами: шветамбары признают такую возможность, тогда как в дигамбарской традиции она обычно отрицается.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. АГЭ (Архив Государственного Эрмитажа). Ф.1. Оп. 5. 1895. № 19. Л. 150.
2. АГЭ Ф. 1. Оп. 5. 1898. № 16. Л. 15.
3. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1894 г. Санкт-Петербург : Тип. Главного управления уделов, 1896.

4. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г. Санкт-Петербург: Тип. Главного управления уделов, 1898.

5. *Абдуллаев К.* Уникальная бронзовая композиция с джайной из канала Занг (Джаркурган, Сурхандарья) // *Scripta Antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 6. М. : Собрание, 2017. С. 47–63. EDN: YLIXQN

6. *Абинякин В. А.* История формирования коллекции индийского искусства в Государственном Эрмитаже // *Индия в культурном пространстве России XV–XX века*. М. : ГМЗ «Царицыно» : Кучково поле : Музеон, 2023.

7. *Абинякин В. А.* Металлическая скульптура Ума-Махешвара из даров правительства Индии // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021.

8. *Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д.* Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ. М. : Едиториал УРСС, 2004.

9. *Деменова В. В.* Скульптура богини Дурги с золотоносных приисков Южного Урала : вопросы атрибуции и провенанса // *Изд-во Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки*. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 261–269. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.1.019 EDN: PTYQZR

10. *Дешпанде О. П.* Индийская скульптура в Эрмитаже. Древность и Средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. EDN: QRNMBP

11. *Руденко К. А.* Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным : автореф. дис. ... докт. исторических наук. 07.00.06. Ижевск, 2004.

12. *Сокровища Приобья*. СПб. : Формика. 1996.

13. *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М. : Искусство, 1987.

14. Эрмитаж. История и современность. М. : Искусство, 1990.

15. *Blurton R.* Hindu art. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1993.

16. *Del Bontà, R. J.* The Pursuit of Salvation: Jain Art from India. New Orleans : New Orleans Museum of Art, 2021.

17. *Pal P.* The Peaceful Liberators: Jain Art from India. London : Thames & Hudson, 1994.

18. *Palast der Götter: 1500 Jahre Kunst aus Indien*. Berlin : Reimer, 1992.

19. *Prajapati M., Kava T.* Rani-Ki-Vav at Patan: An Architectural Heritage – The Magnificent Step-Well of Forgotten India and a Monument of Unfathomable Love // *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2022. Vol. 9. Issue 3. P. 602–615.

REFERENCES

1. AGE F.I Op. 5, 1895, №19 L.150 [*Archive of the State Hermitage Museum. F.I Op. 5, 1895, No. 19, l.150*] (In Russian)

2. AGE F.1 Op. 5, 1898, №16 L.15 [*Archive of the State Hermitage Museum. F.1 Op. 5, 1898, №16 L.15*] (In Russian)
3. Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii za 1894 g. [*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1894*]. St Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1896.
4. Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii za 1896 g. [*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1894*]. St Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1898.
5. Abdullaev, K. *Unique Bronze Composition with a Jina from the Zang Canal*. In Scripta Antiqua: Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury (Scripta Antiqua: Studies in Ancient History, Philology, Art, and Material Culture). Moscow: Sobranie, 2017, vol. 6, pp. 47 – 63. (In Russian) EDN: YLIXQN
6. Abinyakin, V. A. *The History of the Formation of the Collection of Indian Art in the State Hermitage Museum*. In: *Indiya v kul'turnom prostranstve Rossii XV – XX veka* (India in the Cultural Space of Russia, 15th–20th Centuries). Moscow: GMZ «Caricyno»; Kuchkovo pole Muzeon, 2023.
7. Abinyakin, V. A. *The Metal Sculpture of Uma–Maheshvara from the Gifts of the Government of India*. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* (Reports of the State Hermitage Museum). St Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2021.
8. Ganevskaya, E. V., Dubrovin, A. F., Ogneva, E. D. *The Five Families of the Buddha: Metal Sculpture of Northern Buddhism of the 9th–19th Centuries from the Collection of the State Museum of Oriental Art*. Moscow : Editorial URSS, 2004.
9. Demenova, V. V. *The Sculpture of the Goddess Durga from the Gold Mines of the South Urals: Issues of Attribution and Provenance*. In *Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. Nauki* (Editions of the Ural Federal University. Series 2: Humanities.). 2019. vol. 21. № 1 (184). pp. 261–269. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.1.019 EDN: PTYQZR
10. Deshpande, O. P. *Indian Sculpture in the Hermitage: Antiquity and the Middle Ages*. St Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2008. EDN: QRNMBP
11. Rudenko, K. A. *Processes of Ethnocultural Interaction in the Volga-Kama Region in the Late 10th – 14th Centuries Based on Archaeological Data*. Abstract of Doctoral Dissertation in History. 07.00.06. Izhevsk, 2004. (In Russian)
12. Sokrovishcha Priob'ya [*Treasures of the Ob Region*]. St Petersburg : Formika. 1996.
13. Trever K. V., Lukonin V. G. *Sasanian Silver: The Collection of the State Hermitage Museum. The Artistic Culture of Iran, 3rd–8th Centuries*. Moscow: Iskustvo. 1987.
14. Ermitazh. *Istoriya i sovremennost'* [*The Hermitage. History and the Present*]. Moscow : Iskustvo, 1990.
15. Blurton R. *Hindu art*. Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1993.

16. Del Bontà, R. J. *The Pursuit of Salvation: Jain Art from India*. New Orleans : New Orleans Museum of Art, 2021.
17. Pal P. *The Peaceful Liberators: Jain Art from India*. London : Thames & Hudson, 1994.
18. Palast der Götter: *1500 Jahre Kunst aus Indien*. Berlin : Reimer, 1992.
19. Prajapati M., Kava T. *Rani-Ki-Vav at Patan: An Architectural Heritage – The Magnificent Step-Well of Forgotten India and a Monument of Unfathomable Love* // *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2022. Vol. 9, Issue 3. P. 602–615.

1. Дурга Махисасурамardini. Западная Индия (?). XI–XII вв.
Государственный Эрмитаж, Инв. № ИС-2170. Фото Д. В. Сироткина.
© Государственный Эрмитаж, 2026

2. Паршванатха. Западная Индия. Ок. XII в.
Государственный Эрмитаж. Инв. № ИС-2170.
Фото Д. В. Сироткина.
© Государственный Эрмитаж, 2026

3. Акт передачи скульптуры Дурги из Императорской
Археологической комиссии в Эрмитаж. АГЭ Ф. 1. Оп. 5. 1895. № 19. Л.150.
© Государственный Эрмитаж, 2026

Полтавская губ. 104 серебряных римских монеты II в. (Траяна, Адриана, Луция, Вера, Антонина Пия, Фаустины старш. и младш., Марка Аврелия и Коммода), найденные близ с. Ковтуны, Золотоношского у., в имении В. А. Иванова.

Самарская губ. 1) 105 серебр. золото-ордынских монет XIV и XV в., найденных в зыбровой поре у дер. Бодыш. Ремизенки, Пузулукского у. (монеты Токтамыша 791—797 г. мус. лѣтосч., Шади-Бека 805—811 г., Пузаль-хана 813—815 г., Тимурь-хана, Джелаль-ад-дина 814 г., Керимь-Вирди, Чекре-хана 816—818 г. и Кибяка), 2) мѣдная джайновская статуэтка (рис. 51), найденная близ с. Острая Лука, Николаевского у., на р. Иргинѣ. Совершенно такая же статуэтка найдена была в 1850-х г. близ г. Троица в золотоносных россынях, на глубинѣ 20 арш. (хранится в музеѣ Уральского Общ. Любит. Естествозн.), и подобная же, съ датой 1169 г. и индѣйскою надписью, найдена была в Воронежской губ.

Саратовская губ. 1) Коллекція разнообразныхъ вещей, приобретенныхъ для Археологической Коммисіи Ф. В. Духовниковымъ в развалинахъ г. Увека и откры-

тыхъ при производствѣ желѣзно-дорожныхъ сооружений: зеркала, бусы, кресты, литейныя формочки, архитектурныя украшенія, мѣдная бляшка (рис. 52), и пр.; всѣ вещи, кромѣ упомянутой бляшки, относятся ко времени Золотой Орды, 2) черепки поливной посуды и куски изразцовъ изъ золото-ордынскаго городка, находящагося близъ пос. Дубовки, полученные при посредствѣ Я. И. Смирнова.

Семирѣчская обл.

1) Бронзовые наконечники стрѣлъ съ насадомъ, украшенные поперечною насѣчкой, найденные на Ивановскомъ золотомъ приискѣ купца Юлдашева, в Кентменскихъ горахъ, на глубинѣ 6 арш., 2) бронзовая

Рис. 51. 1/1.

Рис. 52. 1/1.